

За рубежом. — 1998. — 23-29 янв. (№ 3). — С. 15

Мы из джаза

НЕСКОЛЬКО месяцев назад в Москве, в Концертном зале имени Чайковского — храме классической музыки, — свое 75-летие отмечал русский джаз. Какой-нибудь десяток лет назад о подобном даже подумать было невозможно. Конечно, старый сталинский лозунг — «сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст» — потерял актуальность после того, как некоторые незадачливые композиторы и музыканты были отправлены в ГУЛАГ (где они создавали потрясающие оркестры). Советские власти к джазу относились по-разному: то мирились с ним, то по достоинству оценивали и использовали в своих целях, то резко его осуждали. У джаза бывали светлые и много-много черных дней. И все же он выжил.

1 октября 1922 года джаз пришел в Россию через дверь ГИТИСа (Институт театрального искусства в Москве), где в тот день состоялся первый концерт этой пришедшей из чужих стран музыки. Русский джаз родился благодаря маленькому рыжему человечку, Валентину Парнаху. Этот друг Кокто вернулся из Парижа со своим портретом в кармане, набросанным карандашом Пикассо, и привез с собой некоторые инструменты, в том числе ударные, которых в Москве не знали. Он не был ни композитором, ни музыкантом, просто танцовщиком. Но прежде всего — любителем джазовой музыки и организатором, который вскоре и создал свою группу, эксцентрический джаз-бэнд.

В тот день в зале ГИТИСа оказался и помешанный на музыке великий театральный режиссер Мейерхольд. Вне себя от восторга, он бурно приветствовал любительскую группу Парнаха и предложил ей работу в своем театре. В 1924 году Мейерхольд опирался частично на этот оркестр, пропагандируя ритмы своего спектакля «ДЕ» («Дашь Европу»), спектакля, призванного противостоять западному ревю. Однако в дальнейшем связь между двумя художниками постепенно сошла на нет.

Если в 1927 году Парнах в конце концов распустил свой люби-

тельный оркестр, то только потому, что в это время появились настоящие профессиональные оркестры, например, под управлением Александра Варламова и Леонида Утесова, которые привили советскому обществу яд джаза как на экзотику. Горький находил, что это музыка здоровых людей. Советские власти сочили для себя выгодным принять джаз, по сути, советскую форму

«Мерседес-джаз-бэнд» Бориса Матвеева на московской улице.

варьете, только еще более лихую. Созданы были даже «национальные» джазовые оркестры в каждой республике, а в Москве работали несколько оркестров. Но с наступлением «холодной войны» все пошло прахом. На музыкантов стали смотреть как на «вражеских агентов», «космополитов» (многие из них были евреями), которые только и думали о том, как бы взорвать изнутри советское общество.

Один из уцелевших в те черные годы, Олег Лундстрем, маленький, юркий для своего возраста человек (ему 81 год), тоже находился в зале Чайковского, а на следующий день в большом концертном зале гостиницы «Россия» дирижировал своим большим оркестром, самым старым из всех: он был создан еще в 1934 году в Харбине! Лундстрему, как и выдающемуся джазовому пианисту Александру Цфасману и как многим другим, приходилось играть с властями в кошки-мышки, хитрить с цензурой, размещая обманом джазовую музыку в окружении фольклорной. Но это был не совсем обман. В результа-

те русский джаз обрел свою самобытность, чему способствовало также и то, что он никогда полностью не порывал с так называемыми «классическими» музыкантами и композиторами.

После смерти Сталина трагедию сменил абсурд. Убеленный сединами музыкант Юрий Саульский с улыбкой вспоминает, как однажды получил какую-то премию и сразу после этого ему запретили работу в течение многих месяцев. После перемен в начале 90-х годов он вместе с друзьями основал «Ангажемент мирового джаза», ассоциацию, единственная цель которой — предоставить лучшим музыкантам возможность выступать. Дело далеко не само собой разумеющееся в стране, где диско, техно и русский сироп заполнили все средства массовой информации. Русский джаз держится в стороне, не там, куда бурным потоком текут деньги. Поэтому здесь трудно предпринять какие-нибудь мафиозные махинации. У него есть свои клубы, такие, как «Арт-клуб Ностальгия» (ностальгия по кафе «Молодежное» — московскому храму джаза в 1960-е годы); свои звезды с подвитыми волосами, как, например, гитарист Алексей

Кузнецов; свои демиурги, как Козлов; свои слушатели, как показал длившийся целую неделю уже третий фестиваль джаза. Даже при наличии средств, то есть богатых спонсоров, не так уж много иностранных музыкантов празднуют такие вот 75-летия.

Оптимистически настроен Владимир Каушанский. В своей подмосковной квартире он держит видеотеку джаза, несомненно, единственную в России. На двух из четырех вечеров джазового фестиваля он выполнял роль конферансье. «Лучшие наши джазмены преподают в консерватории, где в 1994 году открыт класс импровизации. Можете себе представить? В консерватории! Ведь мы всегда только и мечтали о таком органическом слиянии». Гениальный Алексей Козлов, который на своем саксофоне вел диалог с кларнетом Мишеля Портала, представляется душой такого слияния. Его вариации на темы Габриэля Форе, исполненные на саксофоне, просто потрясающи. Однако в России ни одно из музыкальных изданий просто не замечает этого.

что каждый концерт должен быть еще и спектаклем: «Люди ведь не только слушают, но и смотрят». Благодаря третьему фестивалю джаза он пережил незабываемые моменты на сцене зала Чайковского. «Это поднимает моральное состояние», — восхищается он.

Когда Борису было 4 года, в 1932 году, его отца отправили в ГУЛАГ, откуда он уже не вернулся. Джаз Матвеев услышал не много позднее, в музыке «Три поросенка». С тех пор он барабанил по кастрюлям на кухне коммунальной квартиры, где его мать меняла мужей чаще, чем пальто. Из музыкального военного училища он поступает в Московскую консерваторию, а через два года уходит: «Сердце мое принадлежало джазу».

В ресторане «Националь» он играл классиков мирового джаза. В черные годы спасался под крышей одного народного хора. В 1954 году поступил в биг-бэнд, когда его руководитель возвратился из лагерей. Там оставался в течение десяти лет. «Мне около семидесяти, и я никогда не прекращал играть джаз». Затем он стал руководи-

телем оркестра эстрадного певца Кобзона. В 1968 году создает дует со своей женой: «Я играл на ударных и пел». Но это было давно. Он считает нынешний джаз слишком сложным, огорчается, видя, как он часто сползает к серьезной музыке.

«Однажды мне предложили присоединиться к группе уличных музыкантов. Я приклеил искусственные усы, надел черные очки. Нам платили деньги, жить было можно». Вот уже десять лет, как это продолжается — сначала на Арбате, а сегодня на Тверской, рядом с гостиницей «Интурист». Но теперь он выступает во главе созданной им группы не маскируясь — и зимой и летом, если нет дождя. Партнеры отодвигаются, и Борис Матвеев бьет по всему окружающему. Публика в восторге. Иностранцы из этого квартала гостиниц с удивлением останавливаются. «Спрашивают, не американцы ли мы». Так живет «Мерседес-джаз-бэнд». Его назвали так потому, что Матвеев мечтает приобрести в один прекрасный день машину «Мерседес». Но скоро сказка сказывается...

Борис, ударник с Тверской

МУЗЫКАНТЫ его «Мерседес-джаз-бэнда» уходят за кулисы. На сцене он остается один перед своими ударными. Мы видим Бориса Матвеева за работой. Инструментов ему не хватает. Он начинает бить палочками по всему окружающему — по пюпитрам, микрофонам, по полу. Потом опять садится и продолжает свое обезоруживающее соло. Ударник в оркестре Парнаха играл в наряде клоуна и с гримом на лице. Матвеев тоже считает,